

Чтобы во всём разобраться, парни решили расспросить Лю Юаня. Тот объяснил, что дома в пригороде изначально строились для себя и, строго говоря, к городским землям никогда не относились. На них обычно нет ни свидетельства на землю, ни документов на право собственности. И пусть теперь это пригородная черта, жить там и передавать жилье потомкам можно без всяких бумаг. Но вот когда дело доходит до купли-продажи, так просто отделаться уже не получится.

— Скорее всего, вам предложат обычную расписку или договор купли-продажи, — рассказывал Лю Юань. — Сейчас многие так делают, и всех это устраивает. Но если со временем правила изменятся, а бывший хозяин пойдёт на попятную, начнутся неприятности. В лучшем случае он просто вернёт вам первоначальную сумму. А ведь все мы понимаем: деньги со временем только обесцениваются. Сами посудите: цены десятилетней давности и нынешние — небо и земля. А представьте, что будет через десять-двадцать лет? Земля и дома подорожают в разы, а вам попытаются вернуть те копейки, что вы заплатили сейчас. Разве это не грабёж среди бела дня? В нашей стране земля не продаётся в частную собственность. Самый надёжный вариант — оформить дом вместе с прилегающим просторным двором как приусадебный участок под застройку, чтобы получить официальное свидетельство на право пользования землёй. Свидетельство на сам дом оформить вряд ли выйдет — там требования слишком строгие, а вот право на землю получить необходимо. И главное — чтобы там стояли ваши имена.

Юноши и не предполагали, что покупка жилья потребует такой волокиты. Когда они приобретали лавку в Особой зоне, от них потребовали лишь удостоверения личности.

— Так там застройщик легальный, — пояснил Лю Юань. — На те магазины и дома все документы оформлены заранее. Их продают по закону: есть договор, есть квитанции, по которым потом выдают все свидетельства. А в вашем случае — шаром покати. Старый дом, где люди жили поколениями, у них, небось, даже договора подряда на землю отродясь не было.

Слова приятеля помогли Гоуданю быстро сообразить, в чём соль. Это очень напоминало их родную деревню: там при строительстве никто и знать не знал про свидетельства на землю. Род селился на свободном клочке, ставил избу, а когда деревня разрасталась, участки начинали делить уже на словах. Вот и их нынешняя развалюха — когда Ли Сы выкупил её, в бригаде просто записали, что дом теперь принадлежит ему. А какова ширина двора, где его точные границы — бог весть.

Формально никаких бумаг у них не имелось. Но если бы Гоудань решил построить на этом месте новый дом, никто бы слова не сказал — по умолчанию считалось, что жильё принадлежит его семье и может спокойно переходить к детям и внукам.

— Тут есть одна сложность, — задумчиво протянул Лю Юань. — Участок прилегает к пахотным полям, его запросто могут отнести к разряду сельскохозяйственных угодий.

Хоть и дико звучала мысль о том, что жилую усадьбу могут признать пашней, в те годы земельный учёт пребывал в полнейшем хаосе. Даже если твои предки жили на этом месте веками, чиновники могли в одночасье объявить постройку незаконной. Попробуй потом поспорь с государством: как начальство решит, так тому и быть.

Разобравшись в общих чертах с тонкостями, парни связались с хозяином усадьбы. К их удивлению, тот сразу проявил живой интерес. Лишь когда Гоудань обмолвился, что они не местные и не имеют здесь прописки, продавец ненадолго замялся, но тут же пообещал разузнать всё в инстанциях.

Такая спешка озадачила покупателей. Позже, разговорившись с соседями, они выяснили, в чём крылась причина. Дом этот действительно являлся родовым гнездом. Ещё дед нынешнего владельца поставил на этом месте первую мазанку под соломенной крышей. И хотя уездный город находился совсем близко, здешние жители числились деревенскими — в те времена уезд был крошечным, а вокруг него жалось множество мелких поселений.

Со временем жильё перешло к отцу хозяина. В пятидесятые-шестидесятые годы сыновьям улыбнулась удача: они перебрались в город и устроились на заводы. Добираться на велосипеде до центра уезда занимало добрых полчаса, а до заводских общежитий — и того дольше. Когда молодым наконец выделили жильё от предприятий, старик остался вековать в родовом гнезде один. В городе с квадратными метрами было туго, дети обзавелись собственными семьями, внуков рождалось много, так что пожилым супругам в тесных городских квартирах места просто не находилось. Вот они и не покидали старую усадьбу.

Когда старики ушли из жизни, их дети уже окончательно пустили корни в уезде и получили городскую прописку. А теперь пришёл черёд устраивать судьбу уже четвёртому поколению — внукам и внучкам. После кончины старого хозяина приусадебную пашню у семьи отобрали, но сам дом забрать не имели права — всё-таки частное наследство. К тому же люди из этих мест постепенно всеми правдами и неправдами перебирались в город. Окрестности пустели, община распалась, присматривать за порядком стало некому.

Возвращаться на окраину молодёжь не желала. К тому же уезд расширялся совсем в другую сторону, туда же переносили и новые фабрики. Здешние же места так и остались глухой, заброшенной деревней посреди полей.

Пустующий дом ветшал на глазах. Бросить родовое гнездо не позволяла совесть, но ежегодные поездки ради уборки и ремонта требовали немалых расходов, не принося ни гроша выгоды. К тому же детям владельца пришло время играть свадьбы, а это дело нынче недешёвое. Не то что лет пятнадцать назад, когда устраивали скромные «революционные» торжества: насыпали гостям по горсти семечек под лозунги — вот и вся свадьба. Сейчас же подавай и богатый выкуп за невесту, и пышное застолье. Расходы выходили астрономическими.

Если в семье подрастало двое или трое сыновей, у родителей от забот волосы седели на глазах. Городские невесты — девицы с образованием, работой и запросами, дешёвыми обещаниями их было не задобрить.

Гоудань с А-Сюанем и не подозревали о таких тонкостях. Если соседи не врали, шанс договориться действительно был. Не стоило недооценивать старых горожан — связей у них хватало. Оставалось надеяться, что бумажная волокита не затянется, иначе проще отказаться от затеи: тратить драгоценное время на беготню по кабинетам парням не хотелось.

— Как распродадим остатки товара, сделаем перерыв, — предложил Гоудань. — Да и времени уже в обрез. Может, съездим куда-нибудь развяться? Я слышал, ребята из зажиточных семей собираются на каникулы в Столицу. Как тебе мысль?

— Поехать туда пораньше? — отозвался Ван Сюань. — Но нам ведь ещё даже уведомления о зачислении не пришли. Хотя идея отличная. Интересно только, легко ли будет достать билеты на поезд?

Пока юноши мотались между уездами по торговым делам, в родной деревне Сикань отец Гоуданя, Ли Сы, тоже не знал покоя. Чем же он был так занят? Да тем, что едва успевал принимать свах, которые косяком повалили в его дом.

И в самом деле: пришло время сватать Гоуданя и Ван Сюаня. В их годы по деревенским меркам ходить в холостяках считалось чуть ли не позором. Местные парни начинали присматривать невест лет в пятнадцать-шестнадцать. Передавали через родню весточку, и если семьи одобряли выбор, засылали сватов. Год-другой на ухаживания и сговоры, и к семнадцати-восемнадцати годам уже играли свадьбу. А кое-кто умудрялся обзавестись семьёй и того раньше.

По деревенскому счёту, когда к реальному возрасту накидывают год, а то и два «номинальных», Гоуданю шёл уже двадцать второй год, да и Ван Сюаню исполнился двадцать первый. Местные кумушки мерили возраст по-своему, лихо округляя цифры в большую сторону.

И вот теперь вся округа всполошилась: народились же такие парни видные, а всё не пристроены! Надо срочно сосватать! Каждая сваха нахваливала свой товар: у одной племянница — золото, у другой соседка — краше солнца.

Если невеста оказывалась старше, в ход шла народная мудрость:

— Жена на три года старше — золотой слиток в доме! Девка просто из уважения к родителям замуж не спешила, при доме помогала.

Если же девчушка была совсем юной, свахи отмахивались:

— Да какая же она маленькая? Самый сок! Пока суть да дело, как раз шестнадцать исполнится — и под венец!

Обычно такими делами заправляли матери, но Гоудань рос без материнского тепла. Ли Сы поначалу и не задумывался о женитьбе сына, но, выслушав свах, ахнул: и правда, парень-то вовсю заневестился, а он, старый дурак, чуть не проглядел такое важное дело!

Красноречивые гости расписывали невест так сладко, что даже их явные изъяны превращались

в достоинства. Растерявшийся Ли Сы только и мог без конца повторять:

— Надо бы сначала у самого сына спросить...

— Да где это видано, чтобы в таких делах детей слушали! — тут же принимались кудахтать свахи. — Молодые ведь глупые ещё, ветра в голове много! Тут родительское слово должно быть решающим. Если ты, отец, о сыне не позаботишься, кто за тебя это сделает?

Только что они сокрушались, мол, парень засиделся и скоро станет бобылём, а в следующий миг уже утверждали, что он несмышлёныш, за которого всё должны решать старшие.

Когда разговор заходил о Ван Сюане, Ли Сы сомневался ещё сильнее. Хоть он и вырастил мальчишку как родного, но решать его судьбу так деспотично не решался. А ну как сосватает не по душе? Вместо счастья одна беда выйдет.

Но назойливые свахи не унимались:

— Забота и воспитание выше кровных уз! Ты его с пелёнок выходил, выучил, в люди вывел — не каждый родной отец на такое пойдёт! Да он тебе до конца дней кланяться будет. Кому же ещё за него решать, как не тебе? Родная мать покойница, а отец... да прости господи, что он есть, что его нет — разницы никакой. Тебе и решать!

Бедный старик совсем запутался. Сватов приходило слишком много, каждый лил свою воду, и разобрать, где правда, а где лукавство, не представлялось возможным. Малоречивому, простому деревенскому мужику эти визиты давались нелегко.

И всё же в глубине души Ли Сы радовался этой суматохе. Окажись он сам на месте жениха, выставил бы свах за порог без лишних слов. Но когда дело касалось будущего его сыновей, отказать он не мог. Если не подсуетиться сейчас, Гоудань с его упрямым характером точно останется бобылём. А ведь его мальчишки — самые лучшие, самые работающие в деревне, негоже им вековать в одиночестве.

Голову Ли Сы заполнили заботы. Он переживал не оттого, что сыновья останутся без невест, а оттого, что не знал, чьё предложение принять. Да и старый дом давно просил ремонта. Сейчас парни ютились в одной комнатёнке, но ведь после женитьбы так жить нельзя. Чтобы привести в дом сноху, нужно было обустроить каждому по отдельному углу.

Пытаясь как-то потянуть время, он оправдывался перед гостями:

— Парни-то учиться хотят, не до свадеб им сейчас. Да и жить негде, куда молодую жену вести?

— Ой, нашёл из-за чего горевать! — отмахивались свахи. — Вон, у соседей сын в армии почитай десять лет служил, а девку ему дома сосватали, и ничего, живут! Учёба учёбой, а жениться

закон не запрещает. Парень пусть грызёт свой гранит науки, а молодая жена тем временем дома по хозяйству шуршать будет, ещё и копеечку ему слать. Глядишь, через пару лет уже и внука тебе нянчить принесёт!

Последний довод попадал в самую уязвимую точку в душе Ли Сы. Мечта о внуках бередила его сердце сильнее всего. Сам он женился поздно — из-за бедности да врождённого косноязычия. Братья его давно обзавелись семьями, и старик уже смирился с мыслью, что так и помрёт бобылём. Но судьба смилостивилась: почти в тридцать лет он взял в жёны немую женщину, которая родила ему Гоуданя, продолжив их род. Его сверстники уже к сорока годам всю нянчили внучат, а у него сыновья до сих пор ходили неженатыми.

<http://bllate.org/book/19654/1996784>